

АНГИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс Холлис

Призраки вокруг нас

*В поисках
избавления*

Последняя книга от автора мировых бестселлеров
«Перевал в середине пути», «Под тенью Сатурна» и других

Юнгианская психология

Джеймс Холлис

**Призраки вокруг нас.
В поисках избавления**

«Когито-Центр»

2013

УДК 159.9
ББК 88

Холлис Д.

Призраки вокруг нас. В поисках избавления / Д. Холлис —
«Когито-Центр», 2013 — (Юнгианская психология)

В книге «Призраки вокруг нас» Джеймс Холлис повествует о том, что люди откликаются на проявления таких невидимых форм, как тени родителей и дальних предков, внутренние голоса, фантазии, импульсы, нерассказанные истории, комплексы, синхронии и таинства, которые перемещаются сквозь нас и сквозь время. Он показывает путь к их психологическому осмыслению, изучая влияние прошлого на нашу теперешнюю сознательную жизнь, и подчеркивает необходимость погрузиться в этот загадочный мир. Такое погружение может сделать нашу жизнь более углубленной, более осмысленной, более интересной.

УДК 159.9
ББК 88

© Холлис Д., 2013
© Когито-Центр, 2013

Содержание

Предисловие. Призрачные явления	6
Глава 1. Навязчивость нерассказанных историй	12
Глава 2. О синхронии и квантовой физике	22
Глава 3. Призраки наших родителей	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Холлис

Призраки вокруг нас: В поисках избавления

James Hollis

Hautings. Dispelling the Ghosts Who Run Our Lives

© Chiron Publications 2013

Russian translation rights arranged with Chiron Publications LLC Asheville, NC

© Когито-Центр, 2015

* * *

*Я посвящаю эту книгу Джилл Тэйрин, Джоне, Сие и Тимоти,
который всегда со мной*

*Особая благодарность Лизе Харрисон, помощнице и другу, и Шивон
Драммонд, от чьих внимательных глаз не скрылась ни одна ошибка*

Предисловие. Призрачные явления

В этой книге речь не пойдет о привидениях и призраках в традиционном смысле слова. На ее страницах Эбенезер Скрудж не встретится с призраком Марли. Но ведь все мы таскаем за собой эти гремучие металлические цепи. Вы не слышите? Не чувствуете их, перелистывая свежую газету? Генрик Ибсен слышал и видел их, причем задолго до появления глубинной психологии в том виде, в каком она существует сегодня. Благодаря своей глубочайшей интуиции он понимал, как груз недопережитого и непроработанного прошлого давит на настоящее. Свою пьесу 1882 года он так и назвал – «Привидения». Он чувствовал, как на его современников, жителей Осло, влияет чье-то незримое присутствие: давно умершие предки, отжившие ценности, мертвые буквы писаний. И поэтому в уста одного из героев Ибсен вкладывает такие слова:

...мне почудилось, что предо мной выходцы с того света. Но я готова думать, что и все мы такие выходцы... В нас сказывается не только то, что перешло к нам по наследству от отца с матерью, но дают себя знать и всякие старые отжившие понятия, верования и тому подобное. Все это уже не живет в нас, но все-таки сидит еще так крепко, что от него не отделаться. Стоит мне взять в руки газету, и я уже вижу, как шмыгают между строками эти могильные выходцы. Да, верно, вся страна кишит такими привидениями; должно быть, они неисчислимы, как песок морской. А мы жалкие трусы, так боимся света!¹

Джеймс Джойс, проведший свою блестящую, отчаянную, беглую жизнь в изгнании, во всех своих книгах всегда изображал любимую/ненавистную Эйре (Ирландию). Интересно, что в рассказе «Мертвые» он приходит к тому же заключению, что и Ибсен. Джойс знал, что однажды ему придется оставить свою родину, свою церковь, свою семью. Все, что он так любил, было в рабстве у прошлого – иноземное владычество, деспотичная церковь, бремя традиций, повседневный быт и социальные ожидания – родина не принимала его, не любила в ответ, ибо таков удел исключительных душ. Поэтому, глядя на суету и суматоху Дублина, он видел не жизнь, а смерть и души своих соотечественников, каждый день серевшие под ношей коллективного бремени. «Один за другим все они станут теньями. Лучше смело перейти в иной мир на гребне какой-нибудь страсти, чем увядать и жалко тускнеть с годами»². И он, как в омут, бросился в бедность и изгнание, поддерживаемый лишь несчастной Норой и своим одержимым мифо-поэтическим гением.

В то же самое время его соотечественник У. Б. Йейтс в своей одержимой погоне за призраками становится членом несколько тайных обществ, в том числе Герметического Ордена Золотой Зари. Его жена, которую он повстречал в одном из таких обществ, якобы была каналом передачи голосов из мира духов. Эти голоса приносили Йейтсу «поэтические метафоры»³. Во многих из его двадцати шести пьес, включая последнюю («Чистилище» 1938 года), описаны связи иного мира с миром нашей повседневной реальности. В эту же эпоху – переходный период между исчезновением библейского буквализма и появлением неадекватных суррогатов современной культуры – Карл Юнг узнает, что его мать является медиумом. Он несколько раз посещал спиритические сеансы, а позже написал научную работу о «голосах», вещавших на одном из таких сеансов через его кузину Хелену Прайсверк. Но ответы «духов» его не удовлетворяли, он искал (и, как мне кажется, нашел) психологические объяснения. Исключив обман

¹ Ибсен Г. Привидения. Пер. А. и П. Ганзен // Ибсен Г. Собр. соч. В 4 т. Т. 3: Пьесы 1873–1890. М.: Искусство, 1957.

² Джойс Джс. Дублинцы. М.: Азбука-Классика, 2008. С. 285.

³ Yeats W. B. Introduction to "A Vision". New York: McMillan, 1938. P. 8.

и жульничество, отказавшись от буквального понимания, он открыл новый путь изучения этих вездесущих призрачных явлений.

В эвристических работах Юнга, его исследованиях человеческой психики нет места страху, суевериям и проекциям. Изучая тайны нашего мира, он приходит к выводу, что все психические феномены существуют не вовне, а *внутри* нас. Неважно, с чем мы сталкиваемся во внешнем мире и какова его автономная материальная оболочка, потому что переживаем, перерабатываем и оцениваем мы все посредством индивидуальной и коллективной психологии. Так есть, и так всегда было, хотя мир и знал времена, когда за подобные взгляды сжигали на кострах.

Перед нами стоит задача понять как можно более полно, каким образом нашей жизнью управляют эти невидимые силы, как они существуют в нас и в истории, объяснить их психологически, не сводя к банальному понятию психического состояния (психологическая редукция). На протяжении почти всей истории люди верили в привидений и подобных им существ: можно вспомнить и духов, посещающих поэтов и безумцев, и ангелов, являющихся глашатаями иного мира, не говоря уже об инкубах и суккубах, и т. п. Наши предки были уверены, что граница между видимым и невидимым мирами очень хрупка, текуча и проницаема. Вот как Юнг описывает это явление:

...у первобытного человека *imago*, психическое отображение чувственных ощущений, так сильно окрашено чувственным элементом, так ярко, что, возникая ре-продуктивно, то есть в виде произвольных образов воспоминаний, оно иногда принимает даже свойство галлюцинаций. Поэтому первобытный человек, вспоминая, например, свою умершую мать, произвольно воспроизводит ее образ в своей душе так ярко, что как бы видит и слышит ее дух. Мы лишь «думаем» о наших умерших, а первобытный человек воспринимает их конкретно, и это вследствие крайне чувственного свойства его духовных образов. Это и послужило источником первобытного верования в духов. Духи не что иное, как то, что мы попросту называем мыслями. «Мысли» первобытного человека, собственно говоря, претворяются в видения, реальность которых так велика, что он постоянно смешивает психическую реальность с внешней действительностью⁴.

Жизнь полна тайн, и нам никогда не постигнуть всех ее неизъяснимых измерений. Однако их «психологическое» толкование и понимание чреваты двумя дарами:

личной свободой, которая возникает из понимания природы и источника всего того, что влияет на нашу повседневную жизнь и что может быть нами сознательно использовано или при необходимости приостановлено;

пониманием того, что все чары, держащие наше Эго в рабстве слепого буквализма, насылаются на нас приобретенной, унаследованной, культурно опосредованной энергетической системой, а не «богами» и цельным намерением нашей души.

Но перед тем, как начать эту книгу, я бы хотел кое в чем признаться: работа над ней была спровоцирована призрачными навязчивостями, беспокоившими меня и заставившими к ним прислушаться. В конце концов мне пришлось спросить: почему вы пришли? что вам от меня надо? Перед нами всегда стоят эти тревожные вопросы, и, решив убежать от ответов на них, мы лишь провоцируем компенсаторные симптомы и дальнейшие навязчивости.

⁴ Jung, C. G. Psychological Types, vol. 6 // The Collected Works of C. G. Jung. Princeton, NJ Princeton University Press, 1971. Par.46. – Рус. пер.: Юнг К. Г. Психологические типы. М.: АСТ: 1997. С. 60.

* * *

Однажды утром я проснулся с интересным сновидением. Его содержание казалось странным, озадачивающим, в чем-то даже забавным, но от этого не менее категоричным. Мне снилось, что я нахожусь у себя дома с женой и дочерью (и сам дом, и все вокруг было каким-то аморфным, безликим). Мне сообщили, что в соседней комнате лежит генерал Грант, да-да, тот самый Улисс С. Грант, предводитель армии Севера и будущий восемнадцатый президент США. На меня была возложена странная обязанность: охранять и блюсти его труп, пока представители некоей власти не приедут и не заберут его. В соответствии со странной логикой жизни во сне задание меня не удивляло, я взялся за него без лишних вопросов.

Время от времени я заходил в комнату и смотрел на нечто, накрытое простыней. После пары таких визитов я заметил, что простыня немного сползла, открыв часть тела. Я спросил ту, что была рядом, не она ли трогала простыню, но – нет. Я снова зашел в комнату и увидел, что простыня сползла еще больше, и теперь верхняя часть торса покойного генерала была раскрыта. Понимая, что это ненормально, я стал искать кого-нибудь, кто мог трогать простыню, но никого не нашел. Затем я попытался ощутить сильные потоки ветра, которые могли ее сдвинуть, но все впустую. В следующий раз, когда я заглянул, тело немного изменило позу, а на лице было раздраженное выражение.

С опасением я нагнулся к лицу генерала и шепнул: «Вы чем-то недовольны?». Он едва заметно пошевелился и глухо промычал нечто похожее на «да».

Я тут же выскочил из комнаты и сообщил той, что находилась там со мной: «Он жив, не знаю, как это возможно, но... он жив». Она советует мне сказать одному из представителей власти о том, что он еще жив. По неизвестным мне же самому причинам я звоню в аптечный пункт и говорю: «Генерал Грант еще жив, а мне, кстати, понадобятся ручки». Аптекарь переключает меня на отдел ручек, а я с ужасом понимаю, что новость о генерале Гранте была либо не понята, либо проигнорирована. В этот самый момент раздается звон будильника, призывающий меня к бодрствующей жизни. Я был очень разочарован тем, что никогда не увижу продолжения этого сна. Казалось, как это всегда бывает со снами, что он длился несколько часов, а не минут. Более того, узнать окончание сна я хотел гораздо больше, чем вступать в очередной день рутинных обязанностей. В очередной раз я почувствовал, как удивительный мир снов проник в привычный мир явлений, кажимостей и обязанностей.

Утром, принимая душ, я раздумывал над своим сном, с улыбкой вспоминая его причудливую образность. Затем в голову пришло одно из моих любимых высказываний, и я вдруг понял, почему внутриспсихические силы вызвали во мне именно такой сон. Высказывание, о котором я упомянул, принадлежит Уильяму Фолкнеру и звучит следующим образом: «Прошлое не умерло. Прошлое – это даже не совсем прошлое». И я понял смысл сновидения в контексте своей нынешней жизни.

Я уже начинаю стареть, и в том, что касается моей профессиональной деятельности, мне уже хочется немного притормозить. Я стер все шины или, как говорят в Западном Техасе, «ехал долго и дюже взмок». Недавно вышла моя тринадцатая книга, и я пообещал себе, что она будет последней! Я уже сказал, все, что хотел, – последние две главы были про загадку смерти и о том, что смысл жизни в самом путешествии, а не пункте назначения. О чем еще можно написать после этого? И, если уж быть совсем откровенным, я устал говорить. В то же самое время, как и со всеми предыдущими книгами, я чувствовал легкие импульсы из бессознательного: вспышки образов, полуоформленные мысли, сочетание чувства необходимости выполнения некоей задачи и собственной ответной реакции. Как и для многих других людей, процесс написания для меня всегда был одновременно и радостью, и мучительным трудом. Чем-то таинственным, тягостным, категоричным, требующим большого напряжения, дарую-

щим радость лишь после окончательного завершения труда... Я очень устал от этого. Как заметил однажды Томас Манн, «писательство с наибольшим трудом дается именно писателям». Я же хотел нормальной жизни. Почему нельзя прийти домой и просто поговорить с женой или посмотреть футбольный матч, или прочитать книгу, над которой корпел кто-то другой?

Однако была одна тема, с которой я то и дело сталкивался и в личной жизни, и в психотерапевтической практике, и в привычном ходе спектакля истории – я имею в виду *непоколебимое постоянство прошлого*. Мы считаем себя сознательными людьми, добившимися всего самостоятельно, благонамеренными, способными принимать решения, и все это ставится под вопрос только в особых обстоятельствах. В определенные болезненные моменты мы даже спрашиваем себя: что вообще происходит? кто хозяин моей жизни? На коллективном уровне мы пребываем внутри культуры, обесценивающей прошлое, и поэтому на индивидуальном уровне мы убеждаем себя, что каждый день создаем себя заново. Но я, как постоянно общающийся с пациентами психотерапевт, как человек, час за часом работающий с этим осязаемым миром, неизбежно понимаю, что все мы плаваем в темном море безвременья. Во время терапии или анализа мы не пытаемся вернуться в прошлое, но мы видим, насколько настоящее определяется прошлым, его запретами, директивами и императивами. Нам остается либо пережить его вновь, либо проигнорировать его зов, либо включить его в бессознательный «план лечения». В любом случае прошлое берет на себя командование, во всяком случае, до момента полного его осознания. Но кто действительно хочет проживать жизнь своих родителей или постоянно убегать от нее вместо того, чтобы жить собственной жизнью? Кто способен поверить в то, что мы сваливаем дурную карму на последующие поколения?

Личный опыт, клиническая практика и годы обучения заставили меня понять, что за всей нашей жизнью стоит не только Эго, но и куда более глубокие и всеобъемлющие силы. (Что, в конце концов, могло породить мой странный сон? Сознание и воображение просто не способны на это.) Наши Эго – едва заметные пятна на поверхности необъятного моря, наши личные биографии теряются среди обломков, оставшихся после крушений кораблей истории. Ощущая собственную хрупкость посреди этого *mare nostrum*⁵, Эго пытается раздуть собственную важность и убеждает себя: *Я знаю, кто я есть; я здесь главный; я знаю, что я знаю, и моих знаний достаточно для того, чтобы принимать решения*. Зачастую после такого рода инфляции приходит время трезвого переосмысления, и мы спрашиваем сами себя: о чем я только думал? Или просто понимаем, что, помимо нашей воли, на то или иное событие влияет множество других факторов. Эти минуты прозрения требуют смирения и даже самоуничижения, но они дарят нам уверенность в существовании чего-то невидимого, стоящего за границами видимого мира.

Вернемся к странному сну о мертвом генерале, который, как оказалось, вовсе и *не* умер. На днях я прочитал новую биографию Линкольна⁶, недаром же мы недавно отмечали его двухсотлетие и недаром же я вырос в Спрингфилде, штат Иллинойс (в связи с чем образ Линкольна неизбежно стал важной частью причудливого гобелена моей психики). Грант, тоже уроженец Иллинойса, был мне не столь близок, хотя, так же как и великий дровосек⁷, он смог многого добиться, несмотря на многочисленные неудачи в начале своего пути. Меня также поразило, что Грант после тяжелого президентства на фоне экономической разрухи (чем-то напоминающей нынешнюю ситуацию), умирая от рака, героически писал автобиографию, чтобы спасти свою семью от бедности (тогда еще не было ток-шоу и других мероприятий для политиков и знаменитостей, позволяющих им получать большие деньги за пустую болтовню). Перед лицом

⁵ «Наше море» (*лат.*) – так древние римляне называли Средиземное море. – *Прим. пер.*

⁶ Burlingame Michael. The Inner World of Abraham Lincoln. Champaign: University of Illinois Press, 1997.

⁷ Дровосек (rail-splitter) – популярное в США прозвище А. Линкольна. – *Прим. пер.*

боли, отчаяния, неминуемой смерти он заставил себя взяться за перо. Генерал Грант закончил книгу, которая в итоге спасла его семью от нищеты, за несколько дней до смерти.

Имел ли этот образ какой-то смысл для меня? Возможно генерал «злился» потому, что его считали мертвым, тогда как он был еще жив? Может быть, против собственной воли на меня была возложена ответственность за прошлое, мне было запрещено сидеть у ног мертвеца, и какие-то «власти» намеренно отправляли меня в отдел ручек? При чем здесь вообще какие бы то ни было *ручки*? Возможно, моя автономная психика запрещала мне бросать свое призвание, несмотря на мольбы Эго сделать передышку? В одной из своих работ Юнг отмечал, что призывы встать на свой путь и обрести свое призвание (*vocatus*) порой не совпадают с сознательными желаниями. Может быть, Самость, высшая мудрость и целенаправленный поток энергии внутри каждого человека, не обращая внимания на мое мелочное желание отдохнуть, готовила для меня еще одно задание? В нашу переменчивую и жизнелюбивую эпоху подобные мысли могут показаться странными... или убедительными.

Для тех, кто не так хорошо знаком с исследованиями психики, сон о генерале Гранте выглядит как чудная фантазия, одна из тех, что мы считаем нелепыми играми воображения, продуктом переработки или переигрывания просмотренных на сон грядущий вечерних новостей. И я раньше так думал. В конце концов что может быть невероятнее некоей мысли, приходящий как незванный гость в виде генерала Гранта? Но я уже не один десяток лет изучаю незримый мир, существующий за видимой поверхностью, и сейчас знаю об этом больше. Мои знания не позволяют не обращать внимания на сон, каким бы забавным и неясным он ни казался на первый взгляд. Мои знания заставляют думать об этом сне, анализировать его на протяжении всего долгого рабочего дня, во время встреч с другими людьми, медленно, но верно прозревать его смысл: мертвые не мертвы. Парни из штата Иллинойс всегда пробивались через усталость и проигранные битвы вперед к своей судьбе. Она командует, подняв в воздух саблю (или ручку), налагает на нас священную обязанность и заставляет забыть наше мелочное желание вести нормальную жизнь.

А жизнь призывает нас встретиться лицом к лицу с тайной. *И не мы хотим этого, сама жизнь хочет этого от нас.* Тот, кто в это поверил, начинает осознавать и другую тайну, понимать, что мы – не просто материальные тела, которым суждено немного попеть и поплясать, а потом бесследно сгнить. Действительно, поняв жизнь, мы увидим, что никакой тайны и не было, а все наши предыдущие убеждения окажутся лишь искусственными инструментами сознания. Есть совсем другие силы, о существовании которых сознание почти не догадывается. Хотя предки рассказывали нам о встречах с этими силами, оставив множество разрозненных свидетельств.

Неужели кто-то действительно думает, что мы здесь только для того, чтобы заработать побольше денег и умереть? Или наша цель – плодиться, сохраняя преемственность вида? О чем тогда вообще беспокоиться? Можно просто «проиграть и покончить с проигрышами», как писал Сэмюэл Беккет. Что одухотворяет материю при рождении, что течет через нее, пронизывает наши чувства, наши соматические и энергетические системы, а затем со смертью уходит? Что заставляет представителей нашего вида проживать жизнь символически? Похожа ли она на праздник или на концлагерь? О чем жизнь нас спрашивает и как мы держим ответ? Есть ли в конце концов в жизни смысл и если да, то в чем он заключается? В детстве все мы задавали, буквально переживали эти вопросы, и лишь потом барабанный бой повседневной жизни с его вечно повторяющимися проблемами заглушил их. Но наши решения и формальные ответы на вопросы отражают наши ценности, осознаем мы это или нет. Таким образом, повышенная осознанность – это и призвание, и обязанность. Мой сон был призывом, а эта книга – исполнение обязательства.

И вот я начинаю новую книгу. И написать ее решил не тот же «Я», который сейчас обращается к читателю. Но это и не «Я» эго-сознания, но некое «Я», призванное на службу и неуве-

ренно выходящее на дорогу, которая ведет на юг, в неизведанные земли бессознательного. За долго до меня другие сыны Иллинойса отправлялись в земли с чарующими и интригующими названиями – Чикамауга, Шило, Манассас, Чикаomini, Спотсильвания, Антиетам – переливающиеся камни на ткани страдания. Их тоже, несомненно, одолевали страх и усталость, но они продолжали идти, и мы благодарны им за это. Кто знает, какие чарующие земли предстоит открыть людям нашего времени, ведомым глубинными необъяснимыми силами? Прошлое не умерло, прошлое – это даже не совсем прошлое. А все, что мы гоним, обязательно вернется к нам *навязчивым призраком*.

Глава 1. Навязчивость нерассказанных историй

*Всегда один преследует другого, идущего
за третьим по пятам.
Ты знаешь, как зовут меня,
Хотя визитку и не получал,
Ведь я живу внутри тебя...*

Карли Саймон

Наше обыденное сознание воспринимает человека исключительно как тело, подчиняющееся законам гравитации, прикованное болью и смертностью к нашей отягощенной земле. Однако мы представляем собой сложную систему, мы состоим из энергии, проекций, программ, силовых полей и беспрестанных проигрываний неясных сценариев, сознательных и бессознательных. Что одухотворяет это средоточие материи, дающееся нам при рождении? Что вдыхает дух в легкие кричащего младенца? Этот дух (*дыхание, одухотворение, вдохновение*) есть энергия, силовое поле, часть вечности, вселяющейся в брненное тело, которое безжалостно приговорено бродить по земле. Но даже в качестве отягощенных тел, увядающих и гибнущих, мы остаемся силовыми полями энергии, которые танцуют на могильной плите истории, воспламененные огнем вечности.

Рассказывая «историю», я всегда чувствую некий формирующий ее дух, информативную интенциональность. Можно назвать это нарративом, сюжетной линией или, наконец, биографией с одним и тем же финалом, но беспредельно варьирующимися деталями. Как говорил Хемингуэй, если ваш герой в конце не погиб, то историю вы недорассказали. Но нет ли, помимо этой, какой-то другой истории? Возможно, есть. Возможно, нет.

Если бы мы были способны материализовать незримую психическую жизнь, сделать ее видимой и осязаемой, то она смогла бы, кто знает, предстать перед нами в виде скоплений и переплетений потоков энергии. Мы могли бы более «психологично» смотреть на вещи, если бы большинство существительных заменили глаголами. Прошу прощения за намеренно корявую манеру выражаться, но наша Самость – это «самостоящий» через нас источник энергии, а наши истории через нас «исторят». Наше Эго во имя понимания и контроля превращает стихийные жизненные процессы в имена существительные. А мы, глупцы, даже «богов» обратили в существительные, в объекты «там наверху», которые смотрят на нас сверху вниз. А ведь эти «боги» – метафоры автономных непостижимых энергий вселенной. Эго постоянно развивает свое понимание бытия, упрощает, конкретизирует, его цели – стабильность, предсказуемость и контроль. Все это происходит на фоне преобразования автономной природы «прирождения». Каждую секунду Эго пытается что-то зафиксировать, захватить, взять под свой контроль, а в тот же самый момент клетки отмирают, рождаются снова и трансформируются, а психологические матрицы пытаются выполнять свои сложнейшие функции. И мы просто не можем не спросить: что способно гарантировать единство всей этой неоднородности? как можно ответить на вопрос Гёте «Was Dauert im Wechseln?» (как постоянство рождается посреди перемен?) что пребывает вечно за завесой мимолетности?

Богословы утверждают, что таким вездесущим бытием является Бог. Вот какие строки написал в XIX веке поэт-иезуит Джерард Мэнли Хопкинс, воспевая изобилие, разнообразие и многогранность нашего мира:

Все, что разнится, друг на друга не похоже —
Огонь, вода, соль, сахар, холод, жар —

Как на затейливой узорчатой резьбе,
Всего создатель ты – предвечный Боже:
Хвала тебе⁸.

Буддисты считают постоянство иллюзией. Все преходяще, все есть поток, переход, и, конечно же, это относится и к постоянно меняющимся состояниям нашего Эго. Повседневное Эго идентифицирует себя с памятью, намерением, а также с теми сложными структурами, которые мы создаем и которые потом нас определяют. Глубинный психолог сказал бы, что это постоянство и эту непрерывность (в моменты, когда память нас подводит, или вмешивается влияние травмы) обеспечивает Самость, трансцендентная по отношению к Эго. Так, все мы дышим, хотя напрямую и не отдаем легким приказ вдыхать и выдыхать, и не стучим в барабаны алых камер нашего сердца, не двигаем кислород по капиллярам, не усваиваем сахар и белки, удовлетворяя аппетит крови и костей. Всем этим может управлять лишь нечто трансцендентное по отношению к Эго. Но что это за внешний и одновременно внутренний принцип, обеспечивающий четкую и бесперебойную работу всех наших механизмов?

И какой высший разум вышивает узор нашей личной биографии? Какие призрачные сущности незримого мира вдыхают жизнь и энергию в бесчисленные нарративы повседневной жизни? Вневременные саги разворачиваются в жизни каждого из нас: генетическая история, которая знает больше, чем память; архетипическая история, которая формирует нас, позволяя обретать смысл; социальная история, включающая половые, расовые и классовые различия (которым мы по неразумению своему придаем онтологический статус). А потом приходит очередь комплексов, этих осколков и обломков историй, личностей, сценариев и мифологем.

У всех у нас есть эти комплексы, ведь у всех у нас есть личная история, которая заряжает психическую жизнь кластерами энергетической валентности. Некоторые комплексы выполняют в нашей жизни доброкачественную защитную функцию. Без положительного переживания опыта связи и доверия мы бы не смогли развивать чувство привязанности, устанавливать отношения. В то же самое время другие комплексы связаны с травмами, незрелостью и отжившими предрассудками. Воспроизведение этих фрагментарных историй неизбежно узурпирует пространство настоящего, а также заставляет повторять модели прошлого. Некоторые комплексы не отпускают нас в течение всей жизни.

Рассмотрим, к примеру, печальную историю Франца Кафки. Один из величайших писателей в мировой культуре был обречен на несчастную жизнь в Праге с родителями. Он презирал себя, постоянно портил собственные отношения с женщинами, страдал от многочисленных психосоматических недугов. Как так получилось? Его деспотичный отец, не знавший счастья в жизни, убедил сына в том, что и ему уготована такая же судьба, тем самым предопределив жизненный путь Франца. Единственным лучом света в этом духовно нездоровом царстве стала для него художественная сублимация страданий, его пронизательный самоанализ, обретший выражение в странных, парадоксальных притчах. Однако он завещал своему другу Макс Броду уничтожить после смерти все рукописи (к счастью, исполнитель последней воли предпочел этого не делать). Дважды Кафка был помолвлен с Фелицией Бауэр, но каждый раз в последний момент отменял свадьбу. Такой уровень отношений казался ему слишком навязчивым, он предпочитал оставаться далеким, незримым. «Писание писем, – признался он однажды, – это беседа с призраками, не только с призраком адресата, но и со своим собственным, тем самым, что проступает через только что написанные строки... И если послать в письме поцелуй, то он не дойдет до адресата именно потому, что эти призраки выпьют его»⁹. Очевидно, что отно-

⁸ Hopkins G. M. *Pied Beauty* // Richard Ellmann and Robert O'Clair (ed.). *Modern Poems: An Introduction to Poetry*. New York: W. W. Norton, 1976. P. 23.

⁹ Kafka Franz. *Letters to Milena* / Ttrans. Philip Boehm. New York: Schocken Books, 1990.

шения между Кафкой и фройляйн Бауэр были опосредованы подобными призрачными сущностями, которые постоянно перехватывали посланные друг другу в письмах поцелуи. Здесь можно вспомнить слова Каммингса: тот, кто слишком заботиться о порядке вещей, никогда не сможет тебя поцеловать.

Один из знакомых Кафки как-то заметил, что тот служил Богу, в которого никогда не верил. Не служим ли все мы подобным загостившимся божествам? Не находимся ли мы в услужении у призрачных явлений, первобытных комплексов, мимолетных навязчивостей, приковывающих нас к прошлому? Не воскуриваем ли мы ежедневный фимиам в храмах мертвых, и не лишают ли нас эти бессознательные пути возможности прожить более полную и целостную жизнь?

Что бы мы сделали, если бы вдруг освободились от оков прошлого? Только сегодня я разговаривал с пациенткой – слезы и бессонница были ее ответом на необходимость переступить через себя и нарушить данное другому человеку слово. А дело в том, что не сама ситуация была причиной ее реакции, но четкие воспоминания детства, когда дурное мнение другого казалось чем-то не просто ужасным, но даже смертельным. Не удивительно, что она лишилась сна. Другая моя пациентка, психотерапевт в супервизии, казнила себя за гнев по отношению к умирающему родителю. Этот гнев вызывал в ней чувства вины и неопределенности, которые прокрадывались и в ее работу с пациентами. Пробыв долгое время в зараженной зоне, человек начинает носить заразу внутри себя. Единственный выход – вытащить ее в сферу сознания и вступить с ней в борьбу. В случае с моей пациенткой-коллегой можно говорить о необходимости развития сострадания, но без инфантильной потребности в одобрении. Такое одобрение, увы, так и не было получено, и поэтому навязчивый призрак потребности в нем приобрел огромную силу. И можно сказать, что эта женщина тоже поклоняется богу, в которого не верит.

Что касается Кафки, его деструктивное смятение было порождено нерассказанными историями и нездоровыми личными проблемами его отца. Каким образом непрожитая жизнь, сила самопрезрения отца стала призрачной навязчивостью в жизни сына и поглотила ее? Как можно было бы избежать этого, помочь ребенку спастись от этих миазмов психической жизни и начать нормальную жизнь? Но суждена ли была Францу Кафке нормальная жизнь, ему, рожденному в доме с привидениями, где господствовал его отец, которого мучили его собственные призраки, заставляющие его мучить собственного сына? Именно поэтому Юнг однажды заметил, что тяжелейшее бремя ребенка – непрожитая жизнь родителей. И там, где застрел родитель, суждено застрять и ребенку, который потратит всю жизнь, вырываясь из этого пагубного болота, разрабатывая план спасения от психических ужасов застывшего прошлого¹⁰.

Так какова же «реальная» история нашей жизни? Или все они реальны, или нереальны, лишь приходят и уходят? Одни истории мы рассказываем самим себе, другие оставляем для других. И некоторые из них даже бывают правдивыми. Но есть истории, вплетенные в нашу повседневную жизнь настолько, что мы зачастую или вообще никогда их не осознаем. Какие истории состоят из наших рационализаций, защитных механизмов, в какие из них мы вляпываемся, как мухи в липкую ленту?

Каждый из нас грешит заблуждением свехобобщения, и то, что «истинно», что «на самом деле», становится точкой отсчета, сценарием наших действий в каждой новой ситуации. Почему и каким образом старые раны и прошлые обиды проявляются в настоящем в форме преломления глубинных внутренних истин или свехкомпенсации, или взгляда свысока на чуждые нам сценарии? Как в детстве те или иные истории становятся «нашими», какие команды мы получаем для прохождения службы в оставшихся главах нашей истории? Кому

¹⁰ В задачи этой книги не входит рассмотрение генетики как одной из призрачных навязчивостей, однако можно спросить, например: были ли повторяющиеся, саморазрушительные жертвы Юджина О'Нила опосредованы семейной историей, образованием или генами, были ли самоубийства в клане Хемингуэев и самоубийство Николаса Хьюза, сына Сильвии Плат, примерами сознательного выбора или предопределения, или того и другого одновременно?

было суждено быть невидимым ребенком, посредником, козлом отпущения, изгоем? Как эти истории продолжают жить в настоящем?

Глубинная психология позволила нам узнать о существовании специальных «устройств», которые защищают нас от ненужных историй – это механизмы отрицания и идентификации. Иногда мы проецируем фрактальные сценарии, палимпсесты потенциальных возможностей, на других и потом смотрим на них только с этого ракурса, отказывая в активном участии в нашей внутренней драме. Так мы неосознанно ищем тех, кто снова и снова принимал бы на себя роль наших гонителей, спасителей, жертв. Какие-то истории мы подавляем, и они прорастают многим позже – в наших снах, наших телах, наших детях, наших обезболивающих привычках. Порой другие начинают проигрывать сцены нашей тайной жизни, воплощать нашу тень, и тогда мы отмежевываемся от них, выносим им приговор, ведь собственная тень всегда отталкивает. Человеческая психика необъятна, и нам никогда не познать ее целиком, разве что совсем малую часть. И вот мы, гордые своим сознанием, проживаем жизнь, находясь на службе у историй. Одни из них нами осознаны, но искажены интерпретациями, другие неосознаваемы и неизбежны, но все они привязывают нас к прошлому, над которым мы не властны. Учитывая повсеместность этих безмолвных созидательных нарративов, хочется спросить: каковы наши шансы в борьбе за свое сознание против всех тех сил, что диктуют нам правила жизни?

* * *

А сейчас пришло время поведать две нерассказанные истории, каждая из которых смогла глубоко проникнуть в повседневную жизнь своих героев. Первая – семейная история моего хорошего друга Стивена Данна, поэта, лауреата Пулитцеровской премии. Другая взята из романа Бернхарда Шлинка «Чтец».

История Стивена не раз находила отражение в его стихах, к тому же он лично дал мне разрешение привести ее здесь, поэтому я законно раскрываю вам его личную тайну. (Хотя я уверен, что в детстве эта история была одним из самых страшных секретов Стивена.) Как-то раз он сказал мне, что в определенный момент начал замечать холодность в отношениях между отцом и матерью. Причина была ему неизвестна. Его отец частенько допоздна засиживался в кресле-качалке за книгой и стаканом виски, а наутро Стивен находил его в компании недопитой бутылки и недочитанной книги.

Как-то Стивену пришлось идти в близлежащий паб, чтобы привести отца к ужину. Стивен преклонялся перед отцом, тот однажды взял его посмотреть на то, как сильный ураган вздымал прибрежные воды. Мать отругала их обоих, лишив своей оградительной, «правильной» любви. А ребенок сидел между папой и мамой в эпицентре привычного ненастья. Он знал, что каждый вечер за ужином буйствовали более темные и разрушительные волны. Учитывая известные ограничения детского кругозора и способности к пониманию, маленький Стивен, полагаясь только на интуицию, мог сказать лишь «Я подумал тогда / Что-то сломалось»¹¹. Ребенок пытается нормализовать ненормальное. В то время как психика, фиксируя сейсмографические данные, уже «знает», сам ребенок пока не обладает способностью прояснить, изменить, разрешить что-то во внешнем мире.

Что же сломалось? Откуда эта отчужденность? В чем ее истоки? Ответы были потеряны надолго, очень надолго. Стивен потом писал мне в одном из электронных писем: «Всю правду я узнал от отца, когда мне было уже шестнадцать. Он был пьян, но было ясно, что говорит он правду. Он просил меня держать его признание в тайне». Стивен узнал, что однажды мама полезла за семейными сбережениями и не нашла их. Отцу же пришлось соврать, чтобы скрыть правду.

¹¹ Dunn Stephen. *Regardless // Landscape at the End of the Century*. New York: W. W. Norton, 1992. P. 33–34.

Деньги он отдал моему дедушке по материнской линии, так как женщина, с которой тот тогда жил, попала в больницу. Дедушка тратил много денег на лечение и попросил отца помочь. Дедушка, конечно же, не имел возможности вернуть деньги, а однажды мать обнаружила, что все семейные сбережения куда-то пропали. Отец сказал, что потратил их на скачках, так как он знал, что маме будет неприятно узнать о новой женщине в жизни ее отца. Вскоре дедушка умер, а отец так ничего и не рассказал, а мать до конца жизни попрекала его мнимой растратой. В пятьдесят девять лет он умер от сердечного приступа. Это был второй приступ, после первого врачи запретили ему пить, но он лишь удвоил «дозу».

Так, благородный поступок, нерассказанная история, стал навязчивым призраком семьи, разрушил брак и оставил ужасный шрам на жизни ребенка. Стивен потом писал мне: «Я по-своему любил каждого из участников этой истории. И эта история во многом определила мою склонность к молчанию, к амбивалентности, к желанию быть на стороне всех задействованных сторон». Отметим эти свойства личности – амбивалентность и молчание. Возможно, порой они приносят пользу, но были ли они избраны личностью сознательно или были навязаны? Мне сразу же вспоминается джойсовский Стивен Дедал, который как-то сказал, что чувствует себя обязанным быть молчаливым, невесомым, хитрым, иначе ему просто не пробиться через чашу жизни.

Жизнь Стивена Данна, его стихи навсегда останутся в плену у этих запутанных затруднений. Двадцать лет спустя после того, как мне была поверена семейная тайна, он вновь вернулся к этой первосцене, написав стихотворение «Мой призрак»:

Открытый человек, зовущийся моим отцом, однажды
Скрыл истину и так обрек себя на долгую печаль.
Теперь он вынужден скитаться по ночам,
И бремя, как свое, я в каждом слове ощущаю.
Не здесь, не там – нет ему крова в нашем мире¹².

Истина, спасающая нас от печали... Конечно, она должна быть высказана, и камень Сизифа падет с плеч! Но вдруг мы слышим голос чести, и истина повисает в молчании и невесомости. Наследство Стивена проявляется каждый день в незримых, но непреодолимых формах. Как же нам отыскать наше место в этом перенаселенном призраками мире?

Отец умер, когда Стивен учился в Испании. В ту ночь Стивен и его жена проснулись, услышав, как что-то стучит по крыше. Не было ни грозы, ни нависших веток – никакого естественного объяснения. А утром из Нью-Йорка пришла телеграмма – его отец умер в тот самый ночной час. Стивен и его жена не сомневались ни секунды, будучи при этом вполне рационалистичными людьми, что это призрак отца стучался, просил разрешения войти или просто хотел попрощаться. Все это казалось немыслимым и бессмысленным, но оба они были в ужасе и пережили нуминозный опыт таинственного призрачного присутствия. Кто возьмется утверждать, что это не был действительно дух человека, искавший пристанища, желавший напоследок увидеть тех, кто был ему дорог, удаляясь от нашей вращающейся земли, нашего единственного дома? И кто возьмется точно утверждать, противореча интуиции Стивена, что этот дух до сих пор не скитается, как старый мореход с альбатросом нерассказанной истории на плече¹³, желающий быть услышанным и, наконец, обрести покой? Кто возьмется утверждать,

¹² Dunn Stephen. *My Ghost // Everything Else in the World*. New York: W. W. Norton, 2006. P. 24.

¹³ Аллюзия на неприкаянного героя поэмы С. Колриджа «Сказание о старом мореходе». – *Прим. пер.*

что во многих случаях в нашей жизни действует не тот же самый непрошенный дух, ищущий нашей доброжелательности и нашего милосердия, чтобы мы уподобились Филемону и Бавкиде и приютили божественного странника? Только в те моменты, когда мы приветствуем духов, впускаем их в свою жизнь, они способны раскрыть себя. Если мы интересуемся тем, кто пришел и зачем, то вступаем в чреватый ростом и развитием диалог. Однако, если мы не откроем дверь, духи не исчезнут. Они просто уйдут под землю, но настойчиво и неизбежно продолжают быть рядом. Всякий призрак скажет вам, если, конечно, вы прислушаетесь, что настанет и наш черед сказать (словами поэта Стэнли Кьюница): «А этот прах / Лишь в одолжение был мне дан»¹⁴. Когда прах возвращается земле, энергия, одухотворявшая его, возможно перетекает в другую форму. В конце концов нет ничего страшного в том, чтобы спросить у прошлого, чего же оно от нас хочет. И тогда боль и травма начинают пониматься как остаток чего-то, что было, есть и будет.

Только диалог со «всеми этим» может помочь. Ответ на вопрос «каким образом?» вы найдете ниже, а сейчас просто спросим: что эти силы заставляют меня сделать или от чего они меня хранят? Обычно интуитивно мы уже знаем ответ, а если нет, мы продолжаем вопрошать, пока ответ не явится нам в три часа утра или в душе, или во время ожидания в пробке. Обычно мы знаем, но чаще всего мы не знаем того, что мы уже знаем.

* * *

Другой тип нерассказанной истории мы находим в прекрасном романе Бернхарда Шлинка «Чтец». Молодой человек увлечен взрослой женщиной, вскоре она соблазняет его и сводит с ума так, как может это сделать только первая любовь. Юнец одержим мыслями о ней, он преследует ее на работе (она – водитель трамвая), а она частенько грубо его отталкивает, хотя и получает удовольствие от страстной физической близости. Так или иначе она что-то чувствует к нему и однажды просит его почитать ей что-нибудь из художественной литературы. Он начинает знакомить ее со школьной классикой. И вскоре она так же увлекается новым для нее интеллектуальным миром, как он – миром чувств, открытым благодаря ей. Вдруг она таинственно исчезает, а он со свойственным подростку трагизмом тоскует. Все из нас в свое время испытывали это любовное безумие (*Liebeswahn*).

Затем молодой человек поступает в университет, учится на юриста, и однажды преподаватель берет его на один из показательных судов по военным преступлениям, каких было много в Германии в послевоенные (речь идет о Второй мировой) годы. К своему удивлению и ужасу, на скамье подсудимых среди бывших надсмотрщиков концентрационного лагеря сидит его обольстительница. Из всех обвиняемых только она полностью берет на себя ответственность за содеянное и подписывает документ о том, что она участвовала в сожжении узников. В итоге все обвиняемые получают срок, но ей дают самый длительный.

Молодой юрист размышляет над тем, как безропотно она приняла все обвинения, затем добавляет к этому воспоминания о временах их знакомства и романа. И вдруг он понимает, что ее нерассказанной историей была ее неграмотность, что эта тайна навязчиво преследует ее и кажется ей чем-то гораздо более постыдным, чем работа в концентрационном лагере. Именно поэтому она просила его читать книги. И поэтому она работала водителем трамвая, ведь эта профессия не требует умения читать. Вот почему приговор на суде она подписала, не читая, – она была готова предстать в глазах других чудовищем, но не безграмотной¹⁵.

¹⁴ Kunitz Stanley. Passing Through.

¹⁵ В своей книге «Душевные омуты» я рассказываю историю женщины из концентрационного лагеря, которой приходилось принимать ужасные решения. Ее ситуацию можно сравнить с положением героини романа «Выбор Софии», она была приговорена скитаться и рассказывать свою историю, тщетно пытаясь избавиться от неволи.

Юнг замечал, что у каждого человека есть патологическая тайна, нечто столь страшное, столь постыдное, возможно, столь унижительное, что человек любой ценой будет хранить этот секрет. И пока эти тайны будут оставаться захороненными, они будут очень медленно, но верно заражать и отравлять жизнь сознания. Будучи терапевтом, я выслушал немало подобных историй, это моя привилегия и это мое бремя. Чаще всего, поведав историю другому, человек освобождается от ее груза.

Итак, героиня романа «Чтец» отбывает наказание в тюрьме, а молодой человек взрослеет, женится (неудачно, потому что ни одна женщина не способна заменить ему той первой любви). Но по-своему они продолжают общение. Он читает книги вслух, записывает это на кассеты и посылает ей в тюрьму. Годы идут, а его преданность не ослабевает, но между ним и ей стоит нерассказанная история, причем для него это не история неграмотности, а история ее работы в концентрационном лагере. Однако он продолжает посылать записи, а она, сверяя и сопоставляя их с взятыми в тюремной библиотеке книгами, постепенно учится читать самостоятельно.

За день до окончания ее срока он приходит к ней в тюрьму – он уже мужчина средних лет, она – пожилая женщина. Он дает ей понять, что будет продолжать помогать ей, но ни о какой совместной жизни не может быть и речи. Он не уточняет причин, однако ясно, что долгожданному воссоединению мешает призрак нерассказанной истории о концентрационных лагерях. В ту же ночь, ее последнюю ночь в тюрьме, она вешается, оставив записку, в которой говорится, что все свои сбережения она завещает передать еврейскому благотворительному учреждению, где детей учат читать. Это – ее последняя воля, и это – точка в ее ужасной истории.

Затем юрист узнает, что она научилась читать и что в последние годы она много читала сама. Это были книги по истории Третьего рейха и, в частности, концентрационных лагерей.

Я подошел к книжной полке – Примо Леви, Эли Визель, Тадеуш Боровски, Жан Амери – свидетельства жертв нацизма бок о бок с автобиографией Рудольфа Гесса, книга Ханны Арендт об Эйхмане в Иерусалиме и научные работы о лагерях... [Привратник заметил:] «Как только фрау Шмиц научилась читать, она стала брать книги о концентрационных лагерях»¹⁶.

И, хотя мотивы ее самоубийства не раскрыты, вероятно, что, узнав нерассказанную историю о своем участии в крупнейшем организованном преступлении в истории Запада, она поняла, что даже после отбывания формального наказания, она не сможет позволить себе минимальную свободу. Невероятный парадокс этой истории в следующем: преподнеся женщине дар грамотности, свободу более широкого и объективного понимания истории, ее возлюбленный открыл ей доступ и к информации, ставшей ей смертным приговором.

Так, нерассказанная история безграмотности, нерассказанная история их тайной связи, нерассказанная история ее причастности к преступлению, ужасному историческому кошмару, нерассказанная история наших коллективных ошибок – все они сплелись, проникли в жизни людей и разрушили их. Роман «Чтец» также проливает свет на нерассказанные истории миллионов погибших, на их непрожитые жизни, безвременно прерванные убийцами и простыми людьми, оказавшимися способными на преступление. Вся наша западная цивилизация с ее священными и достопочтимыми институтами и гуманистическими идеями не выдержала проверки историей. И эта история не могла вечно оставаться нерассказанной¹⁷.

¹⁶ Schlink Bernhard. The Reader. New York: Vintage Books, 1998. P. 205.

¹⁷ Язываю к этой внутренней способности каждого из нас использовать более широкий спектр мотивов и моделей поведения в своей книге «Почему хорошие люди совершают плохие поступки». Все неосознаваемое, нерассказанное из наших историй проникает в наш мир через наши поступки. Тень, тянущаяся за каждым из нас, сама есть нерассказанная история, которой вскоре суждено стать частью коллективной нерассказанной истории нашего мира.

Рассказчик в романе «Чтец» объясняет, что в конец концов ему пришлось описать историю жизни главных героев, их любви и их неожиданных пересечений с мрачными векторами истории. Автор ищет понимания, прощения, освобождения, но он прекрасно знает:

Слои нашей жизни так тесно покоятся друг на друге, что на более поздних этапах нам всегда встречается то, что уже было раньше, не как нечто изжившее себя и негодное, но как нечто живое и современное. Я это понимаю. И все равно порой я чувствую, что мне этого не вынести. Быть может, нашу историю я изложил все же потому, что хочу избавиться от нее, даже если мне это никогда не удастся¹⁸.

* * *

Поиски наших родовых корней – еще одна возможность для нерассказанных историй проникнуть в нашу жизнь, незаметно, подобно капле чернил, упавшей в сосуд чистейшей воды и постепенно окрасившей ее всю. Древнейшие активные фрагменты рябью расходятся через поколения в виде барьеров, отклонений, предупреждений и продолжают действовать, пока кто-нибудь, пройдя через страдание или внезапное озарение, не осознает их присутствие и не разрубит цепь. Подобные истории – это наши «учредительные документы», понимаем мы их или нет.

В своей автобиографической книге «Смерть в семье» Джеймс Эйджи¹⁹ вспоминает летние ночи своего детства в Ноксвиле, когда после ужина он вместе со всеми сидел на крыльце, слушал звон от брызг поливающей газон установки и стрекот цикад, пока приятная усталость не смаривала ребенка. Крупнотелые люди относили его в кровать с любовью и нежностью, но никто из них никогда не рассказывал ему, кто он на самом деле. Так же и Джеймс Джойс в обличье своей персоны – Стивена Дедала – сидел и грезил за школьной партой, выписывая свое имя внутри концентрических окружностей, начиная от своей семьи, школы, страны, Ирландии, планеты Земля, вселенной, чтобы узнать свое настоящее имя и услышать истинную историю о себе. Оба они потратили свою взрослую жизнь на собирание этих историй и вплетая их во все более сложные и крупные структуры сознания.

Не задаем ли мы в детстве те же вопросы, не думаем ли о том же самом? Не раздумываем ли мы над тем, в чью историю мы попали? Будучи ребенком, я думал о том, не является ли небо над головой, которое моему глазу казалось необъятным куполом, всего лишь точкой в мозгу некоего космического сновидца, во сне которого я двигался и чувствовал себя свободным, хотя в любую секунду он мог бы проснуться или начать видеть другой сон. Нет, я не был чудаковатым ребенком. Я просто любил подумать, и я чувствовал, что подобная история должна существовать, доселе мне нерассказанная, но кому-то известная, например, взрослым. (Однако я до сих пор в некотором роде разочарован, потому что пока не нашел взрослого, чья история имела бы больше смысла, чем мои детские видения.)²⁰

Какая история, рассказанная или нерассказанная, вплетается в наши ДНК, наш геном и воспроизводит одну и ту же старую добрую? Юнг говорил, что если уничтожить все человечество, кроме двух особей, вся культура и цивилизация восстановится точно таким же образом: сначала воспроизведутся генетически обусловленные истории, архетипические энергии,

¹⁸ Schlink. The Reader. P. 217–18.

¹⁹ Джеймс Эйджи (1909–1955) – американский писатель, журналист, поэт, сценарист и кинокритик, посмертно получивший Пулитцеровскую премию за автобиографический роман «Смерть в семье». – *Прим. пер.*

²⁰ В своей автобиографии К. Г. Юнг вспоминает, как в детстве он сидел на камне, думая о камне и задаваясь вопросом, не думает ли камень о нем на самом деле (Memories, Dreams, Reflections / Ed. Aniela Jaffe. New York: Pantheon Books, 1961. 20. – Рус. пер.: Юнг 1998a, с. 36).

лежащие в каждом из нас, а затем – все модели, динамические структуры, персоны и развязки старых как мир сюжетов, разыгрывающихся снова и снова и ныне, и присно, и во веки веков. Тот, кто не знает, что сегодняшняя история – лишь перепев старой, тот плохо разбирается в хрониках человечества. Те же эпизоды, те же глупости, те же инфляции и дефляции, и все, что возвращается земле, отыгрывается вновь и вновь. Настоящее заполнено архетипической динамикой, которая постоянно напоминает нам о том, что даже нерассказанные истории продолжают действовать, пусть и бессознательно. Неосознаваемое настоящее – это история, которая хочет быть рассказанной, которая настойчиво проникает в нашу жизнь. Над входом в свой дом Юнг поместил надпись со словами, принадлежащими Эразму Роттердамскому: «Прошennyй или нет, Бог здесь пребудет». Точно так же древнейшие истории, рассказанные или нет, неизбежно проступают в наших бессознательных решениях, наших антипатиях, наших заботах, наших проекциях, наших тайных планах, а затем они перепроигрываются в соответствии с моделями, которые и составляют всю человеческую историю.

Разве мало тех, кто ищет власти над другими, чтобы компенсировать чувство несоответствия внешним требованиям, а затем пожинает горькие плоды? Разве мало тех, кто прячется в собственной жизни, боится заявить о себе, проживает жизнь беглеца, проецируя на других и удивляясь, почему все вокруг так несосно? А разве мало тех, кто отдает себя в руки другого, обменивая собственную душу на покой и мир и в итоге не получая ничего? Метафорически говоря, все мы уже здесь были и будем снова и снова проигрывать те же истории, пусть и в новых нарядах и новом убранстве. И навязчивые призраки овладевают нами именно тогда, когда мы забываем о том, что мы – очередные исполнители старых ролей в старых историях, диалектическим воплощением которых является наша судьба.

Когда Йейтс наблюдал истерию, охватившую его современников в 1930-е годы, он пытался напомнить им, что новые актеры, выходящие на подмостки, продолжают играть старые роли из былых пьес.

Вот Гамлет с книгой, с посохом Лир,
Это – Офелия, а это Корделия,
И пусть к развязке движется мир
И звездный занавес готов опуститься —
Но если их роль важна и видна,
Они не станут хныкать и суетиться,
Но доиграют достойно финал.
Гамлет и Лир – веселые люди,
Потому что смех сильнее, чем страх...²¹

Каждый из нас проигрывает своего внутреннего Гамлета: мы вроде бы знаем, что делать, но по какой-то причине делаем вид, что не знаем, не можем, и мы дрожим в нерешительности, пока сильная рука не заставит нас. Все мы – пленники внутреннего Лира, этой неуверенной, нарциссичной нашей части, которая то и дело изображает льва, пытаясь скрыть блеющего ягненка. Подобно Офелии каждый из нас желает невозможного и в итоге разрушает то, что есть. Все мы терзаемся, томимся, а это томление становится нашим спасением или приговором.

В гэльском языке, на котором говорили кельты и который до сих пор еще используется на западе Ирландии и на севере Шотландии, нет слова для обозначения настоящего. Ближайший эквивалент – «продолжающееся прошлое». Так оно и есть. Будучи психотерапевтом, я вижу, как каждый из нас то и дело покупается на обрывок какой-нибудь истории, обычно случайно рассказанной кем-то другим или являющейся общеизвестной в конкретной точке простран-

²¹ Йейтс У. Б. Ляпис-лазурь. Пер. Г. Кружкова.

ства и времени, или же представляющей собой феноменологическое «прочтение» событий или пережитого опыта. И мы идентифицируемся с этой фрагментарной историей, начинаем существовать по законам этого повествования, неминуемо двигаясь к логичной, но от этого не менее ужасной развязке. Пониманию того, что эти истории являются внешними, а не внутренне присущими, нам предстоит научиться, хотя все симптомы, привычки и компенсаторные сны с самого детства протестуют против нашего служения этим историям.

Тот, кто озвучил, осознал эти нарративы, получает хрупкую возможность выбирать. Тот, кто смог представить, высветить сознанием эти навязчивые призрачные явления, тот воистину стал мыслить «психологически» в том смысле, что он получил способность воображать, представлять в виде некоего образа, незримые потоки души. Имея эти образы, прорабатывая их, мы можем повысить уровень сознания, но нам никогда не избежать своей роли в драме, написанной много-много лет назад. Поэтому мы будем продолжать служить этим историям и сценариям, либо будем бежать от них, либо будем стараться переписать их, ведь было бы страшным заблуждением считать, что, раз осознав, мы навсегда от них освободимся. Любой пожилой человек подтвердит, что их власть безгранична, а наши попытки что-то изменить, улучшить, почти всегда обречены на провал. Но это не значит, что мы должны легкомысленно заполнять ими чердак нашей психики.

Глава 2. О синхронии и квантовой физике

*Наука – это необыденное сознание.
Роберт Оппенгеймер*

Эти строки я пишу в субботу в августе 2009 года. Через несколько дней мне предстоит лететь в Тампу, штат Флорида, где я должен выступить с докладом на конференции, посвященной проблемам взаимосвязи души и тела. Поскольку мне часто приходится подолгу сидеть в аэропортах или гостиничных номерах, я всегда беру с собой что-нибудь почитать. Размышляя в этот раз о подходящей книге, я решил, что пришло время перечитать «Размышления» Марка Аврелия. Эта небольшая книга с легкостью помещается в ручную кладь. Впервые я прочел это произведение много лет назад, а почему мне вдруг пришло в голову вернуться к нему, я не имел ни малейшего понятия.

Перед тем, как подняться на чердак за «Размышлениями», я проверил ящик электронной почты. Оказалось, что старый приятель, от которого ничего не было слышно уже много лет, написал мне письмо. Он благодарил меня за то, что я некогда познакомил его с неким Марком Аврелием и его размышлениями. Скажите на милость, каким образом возможно такое поразительное совпадение в мыслях двух людей, разделенных временем и тысячами километров?

В следующий понедельник я взялся почитать «Писательский альманах», который ежедневно и исправно получаю в виде рассылки. Там я нашел сообщение о смерти одного поэта. Он мне был хорошо известен потому, что в свое время женился на моей бывшей студентке Хиллари из Нью-Джерси. Ровно через час я получаю письмо от бывшего пациента, который сообщает мне, что его близкая подруга, та же самая Хиллари, передает мне привет и огромную благодарность за главу из моей последней книги, посвященную смерти. Мои размышления помогли Хиллари справиться с горем, вызванным смертью мужа (того самого поэта). Я не знал о том, что мой бывший пациент и Хиллари вообще знакомы, а в сообщении о смерти, полученном по рассылке, не было ничего удивительного, но я снова поразился совпадению всех этих событий.

В тот же самый день (это был понедельник) я подумал о том, чтобы заказать книгу, написанную моим другом, живущим в Австралии. Вернувшись вечером домой, я получил посылку с книгой – мой друг прислал мне ее, предварительно меня не оповестив. Да мы и не общались уже несколько месяцев. Затем, в среду я выкроил свободный час, чтобы позвонить своему брату, который живет недалеко от бейсбольного стадиона «Ригли Филд» в Чикаго. Он говорил мне, что хочет сходить на матч «Кабс». Уже повесив трубку, я вдруг вспомнил, что один из моих последних пациентов, будучи болельщиком «Атланта Брэйвз», оставил у меня свою бейсболку, на которой было написано «Ригли Филд – дом Чикаго Кабс». В четверг вечером я попытался записать свои воспоминания о том, как еще ребенком задавался вопросом, не являемся ли все мы сном какого-то космического сновидца. Я решил найти сходные мифологические мотивы, но сначала по привычке проверил электронную почту. В одном из писем мой коллега из Далласа написал мне о сне Вишну, в котором все мы – персонажи, действующие лица грез космического сновидца. Мой коллега, безусловно, никак не мог узнать о том, что именно эту информацию я и собирался отыскать.

Я прошу читателя поверить, что все вышеописанные события – Марк Аврелий, смерть поэта, книга из Австралии, бейсболка и сон Вишну – происходили именно так, как я их представил. Мне нет никакого резона лгать и приукрашивать. Я, признаться, не меньше вас поражен таким стечением обстоятельств и совпадением. Я уверен, что каждый сталкивался с подобными случаями в своей жизни, а я могу привести множество примеров из работы с пациентами. Честно говоря, рациональная часть меня, бывшая главной в первой половине жизни, до сих

пор не может примириться с этими вопиющими нарушениями принятых в западной культуре законов причинности. И, хотя я знаком с теорией, объясняющей эти факты, часть меня никогда не признает их чем-то бóльшим, чем простые совпадения. Всякое подобное событие можно объяснить через нашу невнимательность, забывчивость или же просто свести их к теории вероятности (или невероятности). Однако я уверен, что все эти события представляют собой яркие примеры того, что Юнг называл *синхронией*.

Что же такое синхрония и как с ее помощью мы можем объяснять подобные совпадения? Какими выводами это чревато? Нельзя ли отнести эти совпадения к призрачным навязчивым явлениям, действию загадочной целенаправленной энергии, вторгающейся в цельность нашей повседневной жизни? И если такие энергии существуют, то что мы можем знать о них? И должны ли мы о них что-либо знать? Как наше представление о чувственно постигаемом мире должно перемениться в связи с этими тайнами?

Исторически мир Запада преуспевал в физике и химии, науках, изучающих внешний, осязаемый мир количественных характеристик. Благодаря Ньютону и другим мы значительно продвинулись в деле обуздания сил природы. И чувство благодарности переполняет меня каждый раз, когда я лечу в самолете, еду в машине или обращаюсь к врачу. Аналогичным образом наше восприятие времени и пространства является внешним, измеряемым и якобы предсказуемым. Каждый из нас существует в определенной точке пространства, в определенный момент времени. Более того, у каждого есть имя, свое место и роль в обществе. Все эти характеристики, безусловно, произвольны, но они создают такую систему координат, которая дает нам способность ориентироваться. Как только эти «скрепы» разрываются, человек, племя, культура теряют ориентацию и оказываются в состоянии кризиса. Поскольку «скрепы» нашего общественного устройства были созданы за последние два столетия и являются сугубо социальными, а не физиологическими построениями (а значит, не такими прочными), то их разрушение приводит к известной общекультурной тревожности, принимающей форму истерии, а также к использованию отжившей риторики и регрессивным, порой даже жестоким, попыткам подавить амбивалентность²². Так мыслят хронически неуверенные ни в чем диктаторы.

В свою очередь, культуры Востока от века ориентировались на внутренний мир. Подобно тому как западная физика исследовала внешний мир, в таких хрестоматийных трудах как «И цзин» и «Дао дэ цзин» мы видим примеры методик изучения внутреннего мира. Так, в «И цзин», или «Книге перемен», описывается особый метод выявления внутренней причинности, которую люди западного мира посчитали бы случайной и произвольной. Для западного человека брошенная монетка или палочка тысячелестника – просто бесполезное гадание, но восточный человек знает, что таким образом гадающий проникает в Дао момента, причащаясь к *качественному* измерению реальности. Так, взаиморасположение и стечение мгновений в конечном итоге не произвольно, оно вплетено в качественную текстуру пространственно-временного континуума.

Возьмем простой пример: две машины сталкиваются на перекрестке. Западный ум тут же начнет задаваться вопросом, кто виноват, кто нарушил правила, кто пошел против *номоса*, т. е. системы законов, определяющей движение потока машин. Человек Востока спросил бы: почему мы с тобой встретились друг с другом именно так? о чем это «происшествие» заставляет меня поразмыслить? *Каким образом это происшествие заставляет меня принять более психологическую перспективу?*

Современная психология находится на перепутье, между двумя перспективами. С одной стороны, существуют психотерапевтические модальности, пытающиеся анализировать модели поведения, корректировать их, перепрограммировать ошибочные мыслительные процессы,

²² Тысячи лет назад древние греки называли номосом тот порядок, по которому наше переживание себя частью общества становится обязательной нормой поведения.

выявлять биологические нарушения и исправлять их. Все эти методы очень полезны и имеют смысл. Однако любой из нас оскорбился бы, если бы его свели только к телу, поведению и мыслям. И любой из нас воскликнул бы: «Но ведь я состою не только из этого. Моя суть этим не исчерпывается. Я – это нечто большее, гораздо большее!» В рамках другого направления современной психологии – психодинамике – человек определяется как существо, постоянно ищущее и создающее смыслы, и страдающее от их отсутствия. Но ведь подобные страдания никак не связаны с количественными характеристиками, поэтому-то современная психология со своими количественными методами паникует перед вопросами поисков и обретения смысла. Глубинная психология поднимает вопросы смысла, ее представители осознают, что главная задача психологии – распознать смысл, разгадать тайну психики во всех ее намерениях, особенно в патологиях и символическом выражении. Вспомнив о том, что греческое слово «психе» переводится как «душа», мы проникаем во внутренний мир своей жизни. Многие в современной психологии и вся поп-психология (завсегдатаев ток-шоу и книжных прилавков) никак не связаны с психикой. О психике забыли. Требование вернуть психику психологии подразумевает обращение к внутреннему миру, который есть ключ к истолкованию внешнего мира.

Синхрония – это проявление энергий, пронизывающих незримый мир, которые порой вторгаются в видимый мир в форме совпадений. Но существуют ли простые совпадения, никак не связанные с синхронией? Я думаю да, эти случаи вполне укладываются в математическую теорию вероятности²³. Но есть и другие случаи, не сводимые к математике, требующие сопричастности тайне и расширения сознания. Они заставляют нас задуматься о существовании иных систем ценностей, иных осей координат, иных структур, чем те, с которыми свыклось зашоренное шаблонами сознание.

Например, кто-то ищет ответа с помощью «И цзин» (я обращаюсь к ней весьма редко, так как слишком уважаю эту книгу). И делают это не для того, чтобы узнать, как с точки зрения сознания продолжать манипулировать собственной жизнью. Ставятся другие вопросы: «О чем я должен постоянно помнить, избирая этот путь?», «Каких мыслей и действий требует от меня это событие?» Только сегодня я разговаривал с женщиной, которая просила помочь ей со следующей проблемой: ее взрослый сын никак не мог начать жить самостоятельно. Сложности этой ситуации добавляла недавняя смерть отца. Однако после того, как сын неожиданно заявил, что он переезжает, она была буквально опустошена. Но ведь его психика подсказала ему единственное правильное в их ситуации решение. То, что казалось травматичным, преобразовалось в адекватный выход из давней дилеммы (потребность в зависимости/потребность в разлуке).

Приведем еще один более невероятный пример. Мой бывший коллега в 1940-е годы работал техасским рейнджером. Однажды во время патрулирования у Рио-Гранде он оказался в смертельной опасности, но другой рейнджер спас его. Затем их пути разошлись, поскольку на войне они служили в разных видах войск. После войны мой коллега получил образование на пособие для демобилизованных и стал преподавателем в Нью-Хэмпшире. Как-то раз он рассказывал студентам историю своего чудесного спасения. Неожиданно в аудиторию вошел тот самый человек – он нашел своего старого друга спустя двадцать лет. Можно ли назвать это простым совпадением? Мой коллега был человеком, который верил только в то, что можно увидеть и потрогать, и это событие привнесло в его жизнь обертоны тайны. После этого он стал более восприимчивым к незримым энергиям, стоящим за внешним, осязаемым миром.

Ведь достаточно просто спросить: «О чем эти события заставляют меня задуматься?» *Синхрония* – это просто слово, напоминающее о том, что «есть многое на свете... что и не снилось нашим мудрецам», как говорил Гамлет. Когда тридцать пять лет назад я спрашивал

²³ Кстати, создателем того, что в математике называется теорией вероятности, был мистик и математик Блез Паскаль.

у книги «И цзин», ехать ли мне в Цюрих (чтобы начать собственный анализ и обучение), мне выпала гексаграмма, означающая путешествие через широкие воды и совет мудреца. Подобный образ можно истолковать по-разному. Конечно же, на уровне эго-сознания широкие воды должны быть Атлантическим океаном, а мудрец – Юнгом. Но на внутриспсихическом уровне речь шла о погружении в глубины бессознательного и поисках источника мудрости, который есть в каждом из нас. Оба образа подтверждали и подчеркивали, что решение поехать в Швейцарию означало также и более серьезное отношение к избранному пути и к своей скоротечной жизни в целом. Эти события стали для меня, по выражению драматурга Кристофера Фрая, «масштабом души» и требовали соответствующей реакции с моей стороны. Дело было не в том, что я обратился к некоему высшему авторитету, как в детстве, а в том, что я научился искать совета внутри себя, спрашивать себя о том, что мне нужно, что я должен делать. Гексаграмма из «И цзин» показала мне, что правильный путь уже был избран.

Так какой же смысл в тех синхронистичных событиях, с описания которых я начал эту главу? Точного ответа нет. Приближаясь к тайне, пытаясь ее объяснить, мы вдруг понимаем, что любое казуальное или каузальное объяснение превращает ее в обычное, ничем не примечательное событие. И вот мне пришлось размышлять над этими таинственными совпадениями прямо посреди рабочего дня. Единственный смысл, который я смог разглядеть, заключался в том, что все они просили меня к чему-то вернуться. Но к чему? Долгое время я был занят исключительно делами внешнего мира, и эти события пытались напомнить мне о важности требований внутренней жизни, которые к тому же имеют свойство накапливаться. В тот момент я ненадолго прекратил работу над этой самой книгой. Да, я был занят, я устал, но я и не пытался сделать усилие, превозмочь себя, выйти из спячки и «проявиться». Жизнь постоянно требует от нас этого «проявления», но существует так много способов уклониться. Вся наша поп-культура как бы создана для того, чтобы ограждать, отвлекать, усыплять тех, кто пытается «проявиться».

Коль скоро я упоминал Марка Аврелия, то интересно вообразить, что бы он сказал о моей духовной и интеллектуальной выморочности? Своим размышлениям он предавался не в сибаритском уединении римской виллы, а на берегах Дуная, в сырости и холоде, сражаясь с варварами, угрожавшими его жизни, его народу, всему, что было дорого его сердцу.

Путру, когда медлишь вставать, пусть под рукой будет, что просыпаюсь на человеческое дело. И еще я ворчу, когда иду делать то, ради чего рожден и зачем приведен на свет? Или таково мое устройство, чтобы я под одеялом грелся? – Так ведь сладко это. – А ты значит родился для того, чтобы сладко было? И ничуть не для того, чтобы трудиться и действовать?²⁴

Трудно поспорить с этими словами императора Марка Аврелия. «Проявиться» нам мешают внутренние и внешние препятствия. Синхронистичные события заставили меня вернуться к выполнению моего задания, необходимости вновь приблизиться к тайне, вновь соприкоснуться с призрачными навязчивостями повседневной жизни и действием неотвратимых сил незримого мира.

Какое же отношение ко всему этому имеет квантовая физика и почему нам должно быть до нее дело? На конференции во Флориде выступал специалист в области квантовой физики Амит Госвами, и я должен был слушать его, учиться у него и обсуждать с ним вопрос отношения целителя к тайне исцеления.

Физика Ньютона продолжает работать на нас, удерживая (почти всегда) самолеты в небе и не позволяя мостам разрушаться, но вот уже более века мы знаем, что существуют такие явления, которые не ведут себя в соответствии с нашими ожиданиями и прогнозам, что элек-

²⁴ Аврелий Марк. Размышления. Кн. 5, 1. Л.: Наука, 1985. С. 23.

трон переходит с одной орбиты на другую, не преодолевая никакого расстояния и что одна частица может существовать в двух точках пространства одновременно. Короче говоря, мы теперь просто не можем не задаваться более сложными вопросами, чем те, что ставил перед наукой материализм. С того самого момента, как датский физик Нильс Бор (1885–1962) задал свои вопросы и сделал свои наблюдения, каузальное истолкование времени и пространства ньютоновской физики стало историей. Просто наблюдая за явлениями, мы их видоизменяем – к такому выводу пришел Вернер Гейзенберг (1901–1971), подразумевая, что все мы являемся частями одного силового поля. Теория хаоса демонстрирует нам, что даже явная произвольность, или хаос, являются частью некоего организованного процесса, источник которого трансцендентен обычному сознанию, неподвластен привычным законам причинно-следственной связи²⁵.

Подобно тому, как обман зрения понуждает нас пересмотреть свою сознательную точку зрения, взглянуть на объект одновременно с нескольких углов, так и квантовая физика заставляет нас понять, что пространственно-временная закреплённость объекта – это лишь чувственно ощущаемая иллюзия, лишь одна из возможных перспектив, тогда как существуют и другие. Таким образом, новая физика как бы говорит нам: то, что вы воспринимаете как закреплённость объекта есть лишь ваше сиюминутное наблюдение энергетической системы, которая видоизменяется каждую тысячную долю секунды. Источник этого явления остается тайной, в прошлом эту тайну было принято называть Богом. (Вспомним древнюю максиму, известную нам из разных источников: «Бог есть сфера, периферия которой нигде, а центр – везде»). И теперь новая физика использует понятие нелокальности для утверждения и подтверждения этой идеи. Таким образом, некое «сознание», трансцендентное обычному человеческому сознанию, не просто «создает» материю, но также и управляет моделями ее преобразовательных манифестаций²⁶.

Новая физика подтверждает догадку Юнга, который говорил о том, что архетипическое энергетическое поле организует хаотичную энергию вокруг смысловых структур, и поэтому все мы движемся в соответствии с ритмами космоса. То, что Руперт Шелдрейк назвал «морфическим резонансом», древние интуитивно описывали как «музыка сфер». Подобно тому, как природа организует объект, позволяя ему реализовать потенциал, так же и психика организует хаотичные энергии в системы развития, приобщая отдельно взятого индивидуума к драме вселенной. В своих мемуарах «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг писал, что, даже если все желания Эго будут удовлетворены, человек может ощущать себя брошенным и потерянным, пока ему не удастся интуитивно почувствовать свое участие в космической драме, получить опыт нелокализованной связности. Таким образом, мои фантазии о сне Вишну все-таки имели какой-то смысл. Роберт Оппенгеймер, автор высказывания, ставшего эпиграфом к этой главе, тоже осознал архетипический резонанс мгновения во время испытания первого ядерного удара на полигоне в Аламогордо, штат Нью-Мексико. Тогда он процитировал бога Вишну: «Теперь я стал Смертью, разрушителем миров».

Так о чем же вся эта история? Вспомним, я ведь был затоплен синхронистичными событиями, которые олицетворяли оксюморонический, акаузальный принцип в действии. В то время, как я преданно (и, надеюсь, профессионально) исполнял свои внешние, рабочие обязанности, эти синхронизмы постепенно накопились и, в конце концов, заставили меня вспомнить о внутренней работе. Вспомним письмо от бывшего студента, цитату из Марка Аврелия – все многообразие этого мира может гармонично образовывать структурное единство. Я начал

²⁵ В период между выходом в 1905 году четырех работ Эйнштейна и Сольвеевским конгрессом 1927 года, мир ньютоновской физики был разрушен, а физикам пришлось открывать для себя все новые тайны. И пока эти тайны остаются неразгаданными, теоретические модели продолжают порождать все больше технических новшеств.

²⁶ Пока я работал над книгой, физики из ЦЕРН в Швейцарии объявили о том, что существование бозона Хиггса, или «частицы Бога», полностью подтверждено. А это чревато значительными переменами в нашем понимании материи.

забывать, что отдельные фрагменты этого деятельного мира, легко впадающего в разобщенность и невроз, служат движению глубинных потоков. Эти потоки пытаются вытолкнуть нас на более высокий уровень личного сознания, и они же при этом заставляют нас принять скромную роль одной из частичек всеобъемлющего космического сознания. Говоря конкретно, одного сна с ворчащим генералом Грантом было недостаточно, чтобы расшевелить меня, придать мне нужный импульс. Поэтому те же самые энергии перегруппировались, перестроились и попытались мобилизовать меня иным способом – я был в смятении, но необходимую мотивацию получил.

Лицезрея величие и беспредельность нашей вселенной, мы можем устраситься, и тогда мы вызываем к посреднику, будь то государство, гуру или старательно причесанный проповедник Евангелия. Официальные поставщики религии зачастую называют тех, кто пережил личное соприкосновение с тайной, «гностиками». Что же, *гносис* означает «знание». Если я могу учиться тайне на собственном опыте, если я чувствую действие вселенских энергий, ощущаю их незримое присутствие, то почему бы мне не жить так, как *учит меня непосредственное переживание*, без посредничества со стороны других, какими бы искренними ни были их намерения?

Но многие не доверяют подобным единичным откровениям, называют это безумием, избегают встреч с незримыми энергиями, которые в действительности постоянно протекают через нас. Налицо вопиющий парадокс – большинство религиозных организаций охраняют людей от переживания религиозного опыта. Не боятся ли они, что верующий захочет бежать из этой резервации? Уильям Вордсворт сказал о своем современнике духовидце Уильяме Блейке: многие считали его безумцем, но он прозревал глубины, неведомые здоровому уму.

Как только мы признаем присутствие невидимого в нашем видимом мире (который может заявлять о себе в сновидениях или синхронистических событиях), мы по-настоящему начинаем ценить символическую жизнь, мы снова чувствуем себя частью той тайны, которая, помимо прочего, необходимо включает в себя и наше индивидуальное путешествие. Бегство от тайн, бегство от усилий заглянуть внутрь – все это постоянно проявляется в симптомах, соматических расстройствах и беспокойных снах. Работа Фрейда «Толкование сновидений» начинается с эпиграфа: «Если я не могу убедить высшие силы, то, по крайней мере, приведу в движение низшие»²⁷. Приведенные в действие, эти силы проникают в нашу жизнь в виде навязчивых призрачных явлений.

Эта книга появилась на свет благодаря действию незримых энергий. Одного моего сознательного усилия было недостаточно, даже наоборот, мое сознание постоянно искало пути уклониться от работы над ней. Да, именно незримые силы (боги, демоны, музы – подойдет любая метафора) начали подталкивать меня, сначала едва заметно, а потом все более навязчиво. Я уверен, что каждый из нас постоянно подвергается этим тычкам из мира бессознательного, но мы научились подавлять, не замечать их ради того, чтобы сохранить статус-кво.

Правда всегда тревожна: если мы признаем существование незримых сил, что бы мы под этим ни понимали, то мы должны поменять и свой взгляд на жизнь, мы должны научиться постоянно пересматривать наши ценности, делать непростой выбор. Наши психологические задачи больше не могут сводиться к изменению моделей поведения или когнитивному перепрограммированию. Открыв себя незримому, динамическому миру, мы заново приобщимся к тайне – одновременно притягательная и пугающая перспектива для одержимого властью, привыкшего к комфорту, осторожного сознания. Юнг писал: «Самое незначительное в нашей жизни, если оно обладает смыслом, может стать важнее самого существенного»²⁸. Эта книга

²⁷ Цитату из «Энеиды» Вергилия З. Фрейд привел на латыни: *Flectere si nequeo superos, acheronta movebo.* – Прим. пер.

²⁸ Jung C. G. The Aims of Psychotherapy (1931) // The Practice of Psychotherapy. The Collected Works of C. G. Jung. V. 16, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1954. Par. 96. – Рус. пер.: Юнг 1998b.

появилась не потому, что я так хотел, а потому что теллурические силы не оставляли меня, навязчиво требуя своего. Как говорится в программе двенадцати шагов, «противоборство рождает упорство».

Я же добавлю: то, что мы гоним от себя, может стать патологией – поверхностной, плоской жизнью или вредными привычками, депрессией, одержимостью объектами, на которые была спроецирована непрожитая жизнь. Признаемся: все, что мы гоним от себя, всегда возвращается к нам навязчивым призраком.

Глава 3. Призраки наших родителей

*Ветер неверный я различать научилась.
Тревожится мать – значит играм конец.
Тень справедливого гнева пересекает
Мое лицо – так хмурил брови отец.*

Наоми Реплански. «Наследственность»

Наши биографии, наши психические жизни, наши импульсы, направленные во внешний мир, сдерживаются и управляются силами, трансцендентными сознанию и индивидуальным намерениям. Подумайте, например, о том, что мы – единственные смертные существа, осознающие всю непрочность своего положения в этом мире. Жизнь преподносит нам два дара: мгновение и осознание его скоротечности. И за нами остается два долга: прожить жизнь как можно более полно и смиренно возвернуть этот дар, когда придет время. Но заметим также, что наше собственное восприятие путешествия под названием «жизнь» в значительной степени зависит от той линзы, через которую мы смотрим на мир.

В детстве сразу после Второй мировой войны я получил в подарок летный шлем на меху и летные защитные очки. И в таком снаряжении я на сравнительно небольшой высоте – чуть больше метра – каждый день летал в школу. Мне нравилось, что в очки можно было вставлять разноцветные стекла – это помогало приспособиться к различным климатическим условиям. И я с нетерпением ждал туманной погоды, чтобы вновь увидеть мир в желтом цвете. Зеленая линза создавала зеленый мир, и каждый новый цвет открывал новые грани. Даже будучи ребенком, я понимал: для того, чтобы по-новому взглянуть на знакомый мир, достаточно поменять линзу. Позднее, когда я узнал, что наши глаза тоже представляют собой что-то вроде линзы, многогранная реальность запестрила новыми вопросами: что же в самом деле представляет собой этот мир и почему он предстает таким разным в зависимости от избранной мной линзы?

Нечаянно, негаданно, с характерным детским простодушием я приобщился к мысли Иммануила Канта (1724–1804), который тоже в свое время использовал метафору очков или стекол, когда утверждал, что нам не суждено познать *Ding an sich*, то есть «вещь в себе». Мы можем познать лишь наше субъективное переживание этой вещи. Конечно же, наше субъективное переживание и есть наша реальность, натянутая на струны нашей физиологии, аффектов и эмоций. Видим ли мы, представляющие собой отдельные физиологии, использующие разные психологические линзы, живущие на разных планетах, один и тот же апельсин, одно и то же яблоко в один и тот же момент? Едва ли. У каждого из нас собственное субъективное переживание этих объектов, и это наше причудливое переживание, взаимодействуя с предполагаемой нами внешней реальностью, в корне меняет ее. (Опыт помогает разуму не впадать в заблуждение, разум необходим для критики субъективизма с его склонностью к сверхобобщению.) Сам того не подозревая, я приобщился и к принципу неопределенности Вернера Гейзенберга (1901–1976), согласно которому наше переживание мира является интерактивным, диалектическим сцеплением «мира» и «переживания мира», которые неизбежно изменяют друг друга. Короче говоря, мы приходим к выводу о необходимости психологии, необходимости признания того, что все наши переживания субъективны. Более того, на плечи психологии ложится следующий парадокс: она должна ясно показать и то, как мы переживаем мир, и то, как мы его искажаем в самый момент переживания. И мы вынуждены задаваться вопросом, можем ли мы понять хоть что-то из того, в чем мы сами плещемся?

Найти ответы на все эти вопросы нам помогает и феноменология, которая призывает оставить тщетные попытки утверждать что-либо об абсолютной реальности и сфокусироваться на том, *как* мы переживаем опыт этой реальности. Эдмунд Гуссерль (1859–1938) и другие феноменологи говорили, что мы обязаны изучать *переживание* мира, не думая, будто мы что-либо знаем о нем самом. И мы в самом деле можем наблюдать субъективное переживание с помощью таких категорий, как восприятие, эмоция, смысл или его отсутствие. Каждый из нас действует внутри заданного «жизненного мира» (*Lebenswelt*²⁹), структурного каркаса культурного опыта, который определяет нашу линзу и дает толкование мира. Этот «жизненный мир» и является нашей линзой, одновременно открывающей и ограничивающей наш взгляд. Небо такое же синее для тебя, как и для меня? В какое мгновение? Переживаем ли мы с тобой одно и то же, когда говорим о счастье? Обладаем ли мы одинаковым переживанием идеи Бога?

Как мы вообще можем устанавливать связи, когда каждый из нас живет в своей идиоцентрической изоляции? К счастью, для этого мы выдумали немало полезных приспособлений (образы, знаки, языки), обладающих общей, хотя и фиктивной репрезентативной основой. Язык математики более или менее единообразен в качестве фиктивной репрезентации соразмерности, протяженности, процессуальности и соотнесенности. Красный прямоугольник на дороге практически во всех странах означает «стоп». Однако, поднимаясь все выше по лестнице абстракций, мы вынуждены использовать метафоры и символы для того, чтобы указывать на неизреченное, коль скоро мы не можем его назвать по имени. Что мы имеем в виду, когда произносим слова *любовь*, *справедливость* или *красота*? Конечно же, существуют общепринятые определения этих переживаний, но само непосредственное переживание и значение произносимых слов – это совершенно разные вещи. А что мы подразумеваем под словами *бог*, *природа* или *смысл*? Если это просто имена существительные, указывающие на какие-то объекты, то найдем ли мы их в Южной Дакоте или Боливии, или Самарканде? И не заключается ли сущностное положение существ нашего вида в том, чтобы отчаянно искать связи, соотносить себя с некоей предполагаемой реальностью, а также с другими представителями вида, постоянно пребывая в состоянии неопределенности?

Людвиг Витгенштейн (1889–1951) остерегает нас от удела быть окончательно околдованными нашими языковыми играми, когда мы, превращая глагол в имена существительные (такие, как *природа*, *Бог*, *смысл*), думаем, что говорим о реальности. По его мнению, если бы мы поняли, как, вырастая, мы оказываемся в очарованном плену у тех самых инструментов, которые позволяют нам ориентироваться в мире, то обязательно хотя бы на некоторое время прикусили бы язык. («О чем невозможно говорить, о том следует молчать», – этими словами заканчивается «Логико-философский трактат» Витгенштейна.) Но мы продолжаем бормотать и временами воевать со своими соседями, защищая свой единственно правильный тип зачарованности. Сколько армий ушло губительным маршем в земли соседей во имя своего *Бога*, *истинного* Бога, не осознавая, что идут убивать, защищая лишь правильность и истинность своей метафоры! (Как однажды заметил Джозеф Кэмпбелл, *миф* – это религия другого человека.) Понимание того, что метафора лишь указывает в сторону тайны, но *не* является самой тайной, редко возникало в сердцах молодых людей, бодро идущих убивать своих соседей.

Какое же отношение все это имеет к родителям? Самое прямое! Никакое влияние, никакая культурная шлифовка нашей линзы, никакой приобретенный опыт не сравнится с ролью родителей в росте и развитии индивида. От них мы получаем генетическую наследственность, определяющую не только соматические тенденции развития, модели развития процесса старения, предрасположенность к определенным расстройствам и образу жизни, но само психологическое устройство наших органов восприятия и обработки информации: глаз, ушей, мозгов

²⁹ Термин Э. Гуссерля обозначает совокупность и взаимосвязь дорефлексивных очевидностей, которые задают модели человеческого поведения. – *Прим. пер.*

и т. д. Но при всей очевидности физиологического наследования, при всей вездесущности гуссерлианского «жизненного мира» самым мощным всегда оказывается психологическое влияние. Фундаментальные элементы восприятия мира и себя происходят от интернализации всех этих первоначальных присутствий или отсутствий в нашей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.